

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Любовь и вина¹

Жаклин Шаффер

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987).

В данной статье автор размышляет над причинами появления чувства вины в отношениях с объектом, рассматривая этот феномен с метапсихологической точки зрения. В статье представлены идеи автора относительно истоков различных проявлений чувства вины, в том числе: нарциссической вины, чувства вины в любви по опорному типу выбора объекта, чувства вины из-за ненависти, связанной с зависимостью, чувства вины из-за деструктивных аспектов любовной страсти, чувства вины, связанной с влюбленностью и идентификацией с объектом любви, в том числе при контридентификации с эдипальным объектом, источником зависти и конкуренции, чувства вины за ненависть к сепарации и принятию инаковости объекта.

Ключевые слова: чувство вины, нарциссическая вина, выбор объекта, выбор объекта по нарциссическому типу, выбор объекта по опорному типу, нарциссическая идентификация, истерическая идентификация, контридентификация.

¹ В статью вошли материалы семинаров, проведенных Ж. Шаффер на магистерской программе «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» в НИУ ВШЭ в 2024 году.

Как мы можем не чувствовать себя виноватыми из-за всего, что происходит с нами в человеческом мире, когда мы прошли через конфликты структурирующего перекрестка Эдипа? Сверх-Я никогда не является врагом сексуальности или любви, но оно решительно является врагом инцеста и инцестуозных желаний.

Таким образом, любовь с чувством вины – это любовь, которая хорошо обрамлена Сверх-Я, наследником эдиповой организации, защищающей и запрещающей инстанцией, возникающей из влечений Оно.

Так за что же нам чувствовать себя виноватыми, когда мы любим? Ведь любовь должна освободить нас от всех оков, поскольку она «богемное дитя, никогда не знавшее закона»? За то, что она питается свежей водой? За то, что она высмеивает все социальные запреты? За то, что ее спутник, сексуальное, когда оно не заблокировано вытеснением и всеми остальными защитными механизмами, является антисоциальным по своей сути?

В чем может быть виновата любовь?

– Слишком много нарциссизма?

– инцестуозные желания, которые проецируются на объект любви?

– мазохизм?

– страстная любовь-ненависть?

– желание кастрации или смерти, направленное на возлюбленного?

Фрейд предлагает нам ограниченный выбор:

– Мы любим только себя, в соответствии с нарциссическим типом.

– Или мы любим только мать, которая нас кормит, и отца, который нас защищает, в соответствии с опорным типом.

Нарциссическая вина

Во «Введении в нарциссизм», написанном в 1914 году, Фрейд перечисляет несколько вариантов нарциссического типа выбора объекта:

1. Человек любит то, что сам из себя представляет.

Первоначально либидо полностью содержится в Оно, которое направляет его часть на эрогенные объекты. Усиливая себя, Я присваивает себе часть этого либидо, чтобы предложить себя Оно в качестве объекта любви: «Нарциссизм Я, таким образом, является вторичным нарциссизмом, изъятым из объектов», – пишет Фрейд.

«Любовь моя, мы будем с тобой одним целым: Я», – говорит Вуди Аллен.

Чувство вины связано с этим отрицанием инаковости, с каннибалистическим присваиванием объекта. Это также самопожирание, аутофагия. Но кто кого пожирает? Можем ли мы найти субстраты этих процессов в таких патологиях, как анорексия и булимия? Связано ли чувство вины с этим каннибалистическим аспектом отношений с объектом?

2. Человек любит того, кем он когда-то был.

Леонардо да Винчи дает ключ к разгадке, по мнению Фрейда. Фрейд пишет: «Когда любовь к матери не может эволюционировать, следовать

курсу последующего бессознательного развития, она попадает под воздействие вытеснения, маленький мальчик вытесняет свою любовь к матери, ставя себя на ее место, идентифицируя себя с ней, а затем берет свою собственную личность в качестве идеала, по подобию которого он выбирает свои новые объекты любви... И он любит их так, как мать любила его в детстве».

Если инцестуозные влечения вытесняются, это позволяет отделиться от первичного объекта – в данном случае Фрейд имеет в виду недостаточно хорошо завершенное вытеснение, и по этой причине не удалось сменить объект и используется идентификация. Этот процесс позволяет избежать потери инцестуозного материнского объекта, так же как и потери инцестуозного объекта, которым ребенок был в детстве для своей матери. Эта тенденция может привести к гомосексуальности. Но также и к влечению к педофилии.

3. Человек любит то, кем он хотел бы быть.

Здесь Фрейд имеет в виду Я-идеал, наследник нарциссизма. Влюбленный субъект ищет в своем объекте лишь образ, идеал, фетиш. Переживание любви в какой-то степени не зависит от качеств объекта, в том числе от его присутствия. Влюбленный человек вкладывает в другого человека или в его образ воплощение своего идеала. По нарциссическим причинам он ставит другого в центр своей жизни и наслаждается его грандиозностью путем идентификации и проживая свою жизнь через другого, как будто по доверенности. Поскольку любая идеализация имеет противоположную сторону – ненависть, чувство вины связано с осознанием враждебных желаний, порождаемых этой ненавистью.

4. Человек любит того, кто был частью его самого.

Такую любовь можно найти почти у каждой матери.

В особенности это касается матерей, неспособных отделить себя от своего ребенка, которого они считают плотью от плоти своей, своей «эротической игрушкой», по выражению Фрейда, или заменителем фаллоса.

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд прямо описывает вред, наносимый страстной материнской любовью: «Избыток родительской нежности, несомненно, вреден, поскольку ускоряет половое созревание, а также потому, что портит ребенка, делая его неспособным в будущей жизни временно обходиться без любви».

Утверждение о том, что любовь матери к своему ребенку при определенных обстоятельствах может быть вредна для него, и сегодня является утверждением, подрывающим устои. Чрезмерная любовь может вылиться в страсть и захват, отрицая всякую структурирующую ценность инфантильного соблазна, инфантильной сексуальности и аутоэротизма. Чувство вины может быть связано с угрозой, которую эта любовь представляет для развития субъективности ребенка.

С другой стороны, ребенок также пожирает плоть матери, плоть утробы, которая его выносила, плоть груди, которая его питала. Как говорит

Винникотт, «жгучая любовь является любовью-кладовой, где хранятся припасы».

Мелани Кляйн, которая в своих теориях размышляла о вине из-за атак на материнскую грудь и частичные объекты, дает нам прекрасный пример проекции: маленький ребенок указывает на грудь матери, когда та кормит его младшего брата, и спрашивает: «Мамочка, это то, чем ты меня кусала?»

Может ли чувство вины быть виной, «позаимствованной» у чрезмерно любимого объекта и обращенной против самого себя?

Многие взрослые люди испытывают чувство вины за то, что они испортили свою любимую мать, за то, что из-за них она стала хрупкой и старой. А иногда они возвращают свой долг через идентификацию, что более заметно у женщин.

Чувство вины в любви по опорному типу

Объект пробуждает влечения, потому что именно опыт отсутствия, нехватки объекта вызывает активизацию влечения и позволяет осознать их требования.

Первые объектные инвестиции по природе своей амбивалентны, это всегда сосуществование бурных проявлений любви и ненависти. Первичный объект неизбежно является двойственным, противоречивым и конфликтным.

В состоянии любви объект всегда противоречив, он одновременно и заменим сам по себе, и незаменим в своей функции. Природа цепляния за любовь глубоко архаична и коренится в нашем самом раннем опыте и восприятии. Объект любви, который изначально является заменяемым объектом желания, трансформируется в объект основных потребностей и в ходе любовного переноса приобретает характеристики материнского объекта.

Оба влюбленных ощущают исчезновение своих границ, как в раннем детстве, когда ребенок еще не знает, что он существует отдельно от матери. Оба испытывают одни и те же ощущения, постоянно обмениваются друг с другом своими мыслями, понимают друг друга, угадывают мысли друг друга без слов, как это было в то время, когда мать и ребенок еще не говорили друг с другом. Они проецируют друг на друга все лучшее, что есть в них самих. Другой становится смыслом жизни, источником всего счастья и всего страдания. Мы знаем пары, в которых партнеры называют друг друга мамой и папой. Их дети делают возможными эти игры в опорный объект.

Чувство вины из-за ненависти, связанной с зависимостью

Этот тип любви создает зависимость от объекта, скорее в регистре потребностей, нежели желания. Обычно это долгосрочные отношения.

Чтобы существовать, объект должен быть потерян. Фрейд указывает на то, что объект выстраивается во время своего отсутствия, что он

обретается и становится другим только в случае потери. Положение объекта включает в себя как его присутствие, так и его отсутствие.

Доступ к целостному объекту сопровождается потерей объекта, а также вытеснением и торможением цели влечения. Это определяется признанием инаковости объекта, подчинением частичных влечений и приматом идентификации над сексуальным удовлетворением.

Свобода от власти объекта или желание пассивности поддерживаются только за счет ненависти и проекций. Объект всегда познается в ненависти, потому что разрыв в восприятии неизбежен. Другой – это тот, кто рождается в ненависти, тот, кто нарушает слияние.

Однако обратная сторона любви – это не ненависть, а отстраненность, как и безразличие. Ненависть поддерживает свой объект. То же самое можно сказать и о чувстве вины, которое поддерживает связность Я, а также инвестиции в объект.

Чувство вины, связанное с проекцией эдиповых объектов, включает в себя инстанцию, запрещающую инцест, которой является Сверх-Я. Но она также может напитывать и обогащать Я инвестициями, которые, возможно, могли бы быть сдержаны торможением цели влечения, приобретая качество нежности.

Варианты сплава нарциссизма и инаковости

Чувство вины, связанное с влюбленностью

Все становится сложнее, особенно в подростковом возрасте, когда мы сталкиваемся с инаковостью объекта, которую приводит в действие, в частности, сексуальное желание.

Желание подвергает всех нас риску столкнуться с радикально чуждым другим. После того как возбуждение и неодолимое притяжение тел, способствующие иллюзии слияния в одно целое, проходят, сексуальное желание может быть разъединено только различием между полами.

Юноша ищет в своей партнерше сексуальное удовольствие и прежде всего подкрепление его фаллической уверенности. Кастрационная тревога обязывает! Он, возможно, даст любовь в обмен на завоевание. Девушка ждет. Она ждет, что юноша полюбит ее. Она, возможно, отдаст свое тело в обмен на любовь. Оба быстро увидят границы этого обмена, и вскоре могут появиться неудовлетворенность и разочарование.

Чувство вины принимает форму разочарования, которое может перерастать во враждебность, если влечение не находит удовлетворения, которое оно ищет.

Чувство вины подпитывается не ошибками, а подавленной энергией влечений. Она обращает неудовлетворенную часть влечения против Я.

Это движение интериоризации подпитывает самообвинения, когда обнаруживается использование объекта: вина состоит в том, что мы не любим по-настоящему, слишком сильно любя себя, в том, что мы крадем качества любимого объекта для собственной выгоды. Женщина может чувствовать себя виноватой в том, что фантазм желания кастрировать

мужчину, завладев его пенисом во время полового акта, не может быть в достаточной степени преобразован через любовь в желание иметь ребенка.

Мужчина может избежать чувства вины за преждевременную эякуляцию, которая может быть признаком определенной агрессии, смешанной со страхом перед женским половым органом. Мы знаем, что мужчина не терпит фиаско, когда его желание полностью приводится в действие подчинением женщины.

Как говорит Фрейд, «что-то в самой природе сексуального влечения не способствует достижению полного удовлетворения». Действительно, влечение характеризуется постоянным напором и ненасытным, неудовлетворенным стремлением.

Чувство вины и идентификации

Влюбленный человек примиряет в себе фиксированность нарциссической идентификации и подвижность истерической идентификации.

Термин «заимствование», который Фрейд использовал в связи с истерической идентификацией, позволяет провести различие между истерической идентификацией по Фрейду и проективной идентификацией по Мелани Кляйн.

Заимствование – это не присвоение и не поглощение и захват другого. Этот термин определяет множественные, лабильные, императивные, противоречивые и обратимые аспекты истерической идентификации.

Истерическая идентификация – это внутренний процесс, который остается в пределах Я и аутоэротизма субъекта. Настоящий партнер может оставаться в полном неведении относительно того, что у него позаимствовано. Его инаковость не ставится под сомнение.

Однако именно идентификации с ненавистным объектом Фрейд приписывает «завершенный механизм формирования истерического симптома». Девочка, благодаря своему симптому, враждебно подменяет собой мать, чтобы фантазматически реализовать свое желание инцеста с отцом.

При истерии происходит идентификация «против», и именно агрессивный компонент этой идентификации «против» заставляет эротизацию сохраняться в неудовлетворенности, в виде желания неудовлетворенного желания. Это происходит потому, что идентификация в «сексуальном объединении», как выражается Фрейд, подразумевает наличие неудовлетворенного желания.

В данном случае речь идет об идентификации с желанием другого, вызывающего зависть и ненависть соперника. Поскольку это желание не может быть исполнено, мы лишаем себя его (см. описанный Фрейдом клинический случай «Прекрасная жена мясника»).

Учитывая, что идентификация бессознательна, должны ли мы тогда ссылаться на бессознательное чувство вины?

С другой стороны, проективная идентификация в понимании Мелани Кляйн – это межличностный, а не только внутриличностный механизм, в

котором другой используется для целей проекции, изгнания, а также спонтанности и отсутствия границ между собой и объектом.

Реальный партнер может действительно чувствовать, на уровне восприятия, что он захвачен, контролируется, находится под властью субъекта, используется и манипулируется как частичный объект, инаковость которого отрицается. Если только партнер не отрицает это ощущение и не отказывается от него.

Идентификация с утраченным объектом может происходить и во время процесса горевания. Появление и создание двойника может в данном случае быть репрезентацией смерти, потери объекта, страха потерять себя в смерти. Фрейд привел несколько подобных примеров.

Вина за ненависть к сепарации

Растворяясь в другом человеке, мы таким образом восполняем свой собственный дефицит, и даже недолгая разлука может вновь пробудить в нас страх потери.

Когда люди расстаются, самое трудное – это не расставание с другим человеком, а потеря того, кем мы были для другого, потеря не только любви, которую давал объект, но и любви, которую мы давали ему.

Если происходит резкое жестокое расставание, страдания оказываются невыносимыми, потому что мы проецировали в другого человека все лучшее, что в нас есть, и, отделяясь от нас, этот человек отрывает часть нашей души, часть нашей плоти.

Расставание переживается на уровне ощущения себя как разрыв в личности. Хуже того, это похоже на желание смерти со стороны другого человека. Другой занял место собственного Я субъекта. Потерять другого – значит потерять себя. Именно это отличает сепарацию от разрыва.

Опера подчеркивает асимметрию женской или мужской позиции при разрыве, когда объект бросает и уходит.

Дон Хозе кричит Кармен: «Если ты меня бросишь, я тебя убью!»

И мадам Баттерфляй говорит возлюбленному: «Если ты меня бросишь, я покончу с собой».

Брошенный мужчина убивает объект, обычно в фантазиях, в то время как брошенная женщина сама превращается в потерянный объект. Она берет на себя вину за разрыв.

Любовь и ненависть в страсти

В наши дни движущая сила влечений приписывается исключительно деструктивности. Про насильника, сексуального убийцу или педофила говорят, что у него были «влечения».

Насилие – это не только ненависть или деструктивность. Из-за переплетения, связывания влечений сексуальные отношения требуют столько же насилия и даже жестокости, сколько желания или нежности.

Искоренение аспекта агрессии и трансгрессии из сексуального акта имеет пагубные, а иногда и катастрофические последствия для сексуальности. Сексуальное желание всегда жестоко, как для объекта, на который оно направлено, так и для человека, испытывающего его.

Деструктивность проявляется, когда связь превращается в смертельное поглощение другого, когда тот, кто претендует на любовь, становится архаическим пожирающим объектом. В страсти реализуются разрушительные или саморазрушительные тенденции. Ведь когда сепарация невозможна, невозможна и связь.

В этом случае сексуальная жизнь регрессивно вписывается в возвращение во времена первичных отношений. Эмоциональная перверсия находит здесь свое поле для маневра и прописывает все свои сценарии. Некоторые женщины не могут отделиться от мужчины, который их не любит или который их разрушает.

В опыте «потери себя в другом» действует влечение к смерти. Из всех форм любви страсть – это то, в чем влечение к смерти слышится громче всего.

Любая любовная страсть содержит в себе ядро деструктивности и смерти. Это проявляется в двух аспектах: контроль над другим и самопожертвование. Страсть также является саморазрушительной. Чувство вины сметается интенсивностью страсти.

Неспособность любить

Существует и другая, гораздо более серьезная проблема – неспособность любить, привязываться и принимать инаковость другого.

Как отмечает Фрейд в работе «Влечения и их судьбы», «ненависть, смешанная с любовью, возникает отчасти на предварительных стадиях любви... Любовь и ненависть, взятые вместе, противоположны состоянию безразличия».

Самое невыносимое проявление нелюбви – это безразличие. Дезинвестирование, как и дезобъективизация, – это своего рода угасание, которое служит питательной средой для влечения к смерти.

Опыт любви также можно рассматривать как путь инициации. Она заставляет нас пересечь физические и психологические границы Я, к которым у нас не было доступа, и помогает нам вновь соединиться с источниками нашего существования как субъектов, найти связь с другими и с самим собой, воссоздать себя, вновь обрести себя в любви и признании другого. Этот опыт похож на опыт переноса в кадре психоаналитического лечения.

Заключение

Анализ пытается ослабить повторение, уменьшить зависимость от имago, от внутренних захватывающих объектов. Но можно ли стать полностью независимым от своих первичных объектов, следов, оставленных ими, их идентификационной поддержки?

В этом можно усомниться. И, кроме того, желательно ли это?

Богатство влечений питается за счет инфантильной сексуальности, инфантилизма сексуальности, игр инвестирования и идентификаций, инфантильных сексуальных теорий.

Разве независимость не заключается в том, чтобы иметь возможность сказать себе: «Я не виновен и не жертва, но я несу ответственность за свои влечения и за все, что со мной происходит, – это моих рук дело».

Love and guilt

Jacqueline Schaeffer

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Jacqueline Schaeffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

Summary: In this article, the author reflects on the causes of guilt in object relations, examining this phenomenon from a metapsychological perspective. The article presents the author's ideas regarding the origins of various manifestations of guilt, including: narcissistic guilt, guilt in love by reference type of object choice, guilt due to hatred associated with addiction, guilt due to the destructive aspects of love passion, guilt due to falling in love and identification with the object of love, including counter-identification with the oedipal object, the source of envy and competition, guilt due to hatred of separation and acceptance of the otherness of the object.

Keywords: guilt, narcissistic guilt, object selection, narcissistic object selection, reference type object selection, narcissistic identification, hysterical identification, counteridentification.